

ДОЛГИЙ ДОЗОР

АЛЕКСАНДР УРАЛОВ

Александр Уралов

Долгий дозор

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Уралов А.

Долгий дозор / А. Уралов — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

В конце XXIII века ужасы не столь далекого Джихада постепенно отходят в прошлое. Земля по-прежнему искусственно разделена на Демонское полушарие и полушарие Веры-Истины, а таинственные квазиживые карачи по-прежнему иногда похищают грудных младенцев для каких-то своих непонятных целей. Семнадцатилетний Егор, находясь в дозоре, встречает в южно-уральской пустыне, неподалёку от бывшего Озёрска, небольшую группу московских учёных, чьей целью является посещение челябинского Комбината, когда-то производившего «начинку» для ядерного оружия. Поход этот становится самым тяжёлым и продолжительным испытанием для Егора и его друзей. Истина открывается для них через боль, страдания, смерти и сражения, проверяя их любовь, дружбу и верность суровым законам пустыни.

Мягкий юмор персонажей позволяет почувствовать в них живых людей, а не просто картонных героев и антигероев. Особо привлекательны женские персонажи. Пожалуй, в современной российской литературе «Долгий дозор» - единственная антиутопия, не прибегающая к апокалипсическим приёмам. Этим она выгодно отличается от многочисленных произведений последнего времени о постапокалипсисе.

© Уралов А.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Александр Уралов

Долгий дозор

Южный Урал, август 2235 года.

Внезапно перед глазами всё расплылось. Радужные блики дрожали вокруг неясных двоющихся контуров. Солнце яростно жгло щёки и лоб. Глаза щипало. Егор потрянул головой, в разные стороны разлетелись капли пота. Несколько мокрых пятнышек темнели на прикладе.

Егор хлопнул носом и осторожно, стараясь не дёргать рукой, промокнул обгоревший лоб рукавом, а потом, неестественно вывернув кисть, поочерёдно прикоснулся манжетой к закрытым глазам. Кожу жгло так, что на секунду ему представилось, как рукав начинает дымиться от кислоты, но, осторожно приоткрыв глаза, он снова увидел всё ясно и чётко.

Дело было дрянь. Чёртовы карачи копошились метрах в ста, не обращая на него никакого внимания. Егор легко мог всадить пулю в одного из них... да только что ему эта пуля? Так... вздрагивает туловищем, замирает на секунду... вглядывается, что ли? Глаз-то у них не видно.

Дед говорил, – да упокоит его Господь-Аллах на тенистых пажитях! – мол, раньше были у них глаза. Много, но были! Можно было дёрнуть по ним из калаша, ослепить... А сейчас, шайтан их возьми, совсем смотреть не на что. Даже ноги у них стали тоньше, но зато намного прочнее.

Конечно, если бы динамит...

Егор вспомнил, как в Город притащили на железном тросе двух подорвавшихся на фугасе карачи. Дядя Ахмат, тогда ещё совсем юный, за рулём грузовика что-то орал, – уж, наверное, не молитвенные песни, – всегда был пьяный, прости и сохрани, – только зубы весело блестели на чёрном от пыли и гари лице. Мама в толпе кричала вместе со всеми. Они били карачи чем попало, а те только дергались перебитыми лапами и бормотали: «Мы не сделаем вам ничего плохого... Мы не сделаем вам ничего плохого...»

А потом дядя приставил ствол калаша к сочленению малого шупальца, – оно слабо обвилось вокруг сбитой мушки, – и выстрелил... только брызнуло из туловища во все щели. Народ закричал, запрыгал, а прежний мулла-бабушка сказал: «Не жалея патронов, Ахмат! Мало им одной пули, оживёт, проклятый!»

А после оттащили карачи подальше и закопали, и место это прокляли.

Эх... так то ж когда было-то! Егору, поди, едва-едва года три исполнилось... точно, не было ещё трёх! Ему тогда ещё даже ларинги не вживили...

Карачи продолжали копошиться. Из песка они то ли вырывали, то ли творили своим нечестивым дьявольским обычаем какие-то смутно угадываемые в пыли тонкие плетения. Вроде тончайшей сети, перекрученной и шевелящейся... растущей?.. чёрт, в этой кутерьме не разберёшь! Слава Господу-Аллаху, вроде, они не собираются двигаться в сторону Города. Даже бесовская их сеть извивается и дёргается явно в сторону старой мечети. Говорят, там третьего дня двух карачи видели. Гнезда у них там нет, это точно. Егор сам проверял. Даже в самых, что ни на есть дремучих и диких зарослях шипастого выюна-хватайки.

Может, уйдут? Были же такие случаи, Егор сам слышал!

Егор облизнул палец, помахал им в воздухе, чтобы тот высох, подышал на окуляр бинокля и подушечкой пальца осторожно протер его. Карачи были видны, как в двух шагах. Пыль, проклятая пыль не давала ничего разглядеть.

Эх, второй окуляр разбит... жаль! Отец даже выругался, когда вытащил его из песка – вот невезение! Обидно – у трупа-мумии даже блок компа уцелел. Офицер, сразу видно! Экран

смяло комочком слежавшийся ветхой ткани – не оживишь. Элементы питания вытекли, но на вид-то комп – хоть куда! Хоть бы одна кнопочка выпала... Старые Люди умели делать...

А у бинокля линза разбита! Чёрт бы с ним, с компом, на кой он нужен? Есть два у старосты Володи и ладно. Вот экран бы запасной! Наш и так-то был старый – сколько себя Егор помнит – на сгибах вытерся и цвета искажает, а сейчас и вовсе вместо красного – тускло-оранжевый выдаёт... и буквы расплываются... хоть так оставляй, хоть до максимального увеличивай. Да и речевой ввод вот уже лет пять, как накрылся...

Перед глазами сам собой появился староста, аккуратно подвешивающий уголок экрана, отцепившегося от гвоздя в стене. Экран беззвучно менял картинки каких-то волшебных красивых зданий. Сгибы экрана тусклыми расплывчатыми линиями перечёркивали изображение... как прутья клетки...

Егор дёрнул головой. Надо же, чуть не задремал! Каково, а? На пекле таком, в ста метрах от карачи... а чуть было не заснул! Записать, что ли ихние пляски? Да ну... что там записывать? Не видно ни черта, кроме клубов пыли и фонтанчиков песка... да и аккумуляторы у камеры жаль. На пять минут хватает, а потом калаш начинает пищать, мол, подзарядить надо.

Егор осторожно проверил, прикрыт ли объектив камеры калаша колпачком. Ага, на месте. Это хорошо. Родного колпачка уже сто лет в обед как нет, вот и приспособили кусочек полиэтилена на ниточке... хрень овечья, прости меня, Господь-Аллах!

Интересно, а в Челябинске есть микрокамеры на продажу? Такие... вроде заколки на косынку или значка нагрудного? Должны быть, гори они в аду, еретики-гяуры-блять! Староста заранее по три месяца от будущего греха отмаливается, по пять раз на дню намаз делает, лишь бы в Челябинске самое необходимое покупать, не беря греха на душу. В прошлом году в Храме Господа-Аллаха перед алтарём двое суток лежал, прощения молил... еле выходили потом. В апреле уже и ехать собрались, да так и не поехали. Жалко, слов нет! Отец-то хотел Егора вместо себя послать... в охрану. И то сказать, больше года прошло... много чего надо! Аккумуляторы те же... лекарства бы... сеть-доступы поновее... да много чего! И ещё Маринкиной Маме-Гале протез глаза бы достать... недорого говорит Маринка, можно поторговаться и б/у купить... и Маринке игрушку какую-нибудь привезти... вроде «Нечестивые против ниндзя Господа-Аллаха». Она так чудесно смеётся, когда играет... и коса небрежно заплетена... расплетается... а Маринка только плечом дёргает – некогда, ниндзя наступают!..

... Маринка... красивая такая... глазки светятся...

... «а говорят, что Старые Люди на Марсе бывали!»... «врут они всё, Маринка, демонская это планета»... «а мне Руслан говорил!»... «я вот твоего братца Руслана поймаю и напинаю так, чтобы ходить не мог. Нашёлся, тоже мне, знаток!»...

Тьфу ты, спаси Господь-Аллах, опять глаза слиплись! Может, позвонить старосте, сказать, что всё спокойно? Без малого два дня тут парюсь, может, смену пришлют?

Нет, нельзя. Наверняка карачи звонок перехватят... а кто их знает, какой вывод они из этого сделают? Да и шатун-банды не дремлют.

Егор открыл фляжку и сделал два больших глотка. Как обычно, тело умоляло пить – ещё и ещё... и ещё!.. но он аккуратно завинтил крышку и стал ждать. Через минуту пришло привычное ощущение свежести. Рот наполнился слюной, – он языком провёл по всей полости рта, смачивая зубы. Ну и лето в этом году! Солнце шпарит, как никогда, комбинезон едва справляется.

* * *

Домой он ушёл ночью, когда уже совсем ничего не было видно. Карачи всё ещё возились в своей яме – ну, вылитые пауки с когтистыми длинными лапами. Егор видел, что яма стала немного шире, но все подробности по-прежнему скрывало пылью. Наверное, карачи всё-таки что-то откопали, иначе кой чёрт они вообще тут делают?

«Пусть Совет разбирается... там любят про Старых Людей поспорить, – думал Егор, осторожно пробираясь в темноте. – И так-то они думали, и этак... а если не так, то разэтак...»

Лучше бы в Челябинск разрешили съездить! Ромка-джи там был. Так он с той поры надулся, как бурдюк – я, мол, в Челябине среди еретиков-гяуров-блять ходил, непорочно, как Господь-Аллах среди демонов в пустыне! И, мол, Веру-Истину в себе сохранил... в чистоте и святости. Забыл, засранец, как я его зимой тащил на горбу? Если бы не я – лежал бы сейчас Ромка-джи на Городском кладбище... если бы песчаники по всей пустыне сейчас его кости не растащили. Ну, а нынче, конечно – круче Ромки-джи никого нет... просто Демон-Магеллан какой-то!

Егору вдруг стало смешно. Он представил себе Ромку-джи в виде Демона-Магеллана из файла учебника: рогатая корона на голове... длинные одеяния, расшитые безобразными знаками... и над головой надпись на зазубренной ленте: «На зло и погибель людям открыл я демонские дали!» Эх, если бы вместо Ромки-джи съездил бы в Челябину он, Егор! Так нет же! Шайтан побери, умудрился сломать ногу, можно сказать, на ровном месте! Теперь, вот, даже Маринка Ромку-джи слушает, раскрыв рот... а тот и рад стараться – цедит в час по чайной ложке – цену своим байкам набивает, хитрожопый. И ведь не проверишь – врёт или нет!

А слушать его, конечно, интересно! И тебе роботы, вышагивающие по Челябине, и карачи, которые на каждом углу стоят, и ярмарка, где народу тьма-тьмушная... и все с оружием, все вопят, кричат, торгуются!

Эх, нет уже с нами деда Николая, жаль-то как! Сколько всего знал человек! Сам мулла-батюшка его уважал, староста – так только с ним и советовался. Даже древневеры – уж на что упёртый народ – с дедом почтительно разговаривали!

Да-а...

Небось, вкушает он сейчас на небесах райское блаженство и со своим тёзкой, святым Николаем-угодником, глюкозу пьёт и халву кушает, да на нас, грешных, сверху поглядывает...

Егор привычным жестом поправил на плече лямку автомата. Идти до привала было совсем уже недалеко – часа три, не больше. Вон она, вдали высится башенка... остатки Храма древневерского. Крестоносцы построили – теперь уж и не знает кто и когда. Крест ещё на Егоровой памяти наверху стоял. Узорный такой крест, красивый. Небось, лунатики и сбили, – они крестоносцев спокон веку ненавидят. Дед говорил, раньше это место Касли называлось. И жили тут у подножия Уральских гор по чугуну-железу знатные мастера.

Да что говорить... вон из песка торчат развалины. Пацанами Егор с Ромкой-джи однажды неподалёку от Города такую же узорную решётку выкопали. Точь-в-точь работа, также мастерски сковано! Ковырялись тогда, ковырялись... метра два только и очистили, но остальное круто вглубь уходило, не докопаешься сходу. Хотели отломать кусок – ан нет! Силёнок маловато и работа качественная. А так хотелось домой притащить, чтобы матери не ругались... вот, мол, красоту какую нашли – любуйтесь, чего Старые Люди делать могли!

Ох, и попало же тогда от отца – вспомнить страшно! Вот, ведь, куда ходили... дозорных тогда, если прикинуть, в четыре раза больше было. Да и камер немало, даже по сравнению с нынешними временами. Что ни говори, до злой горячки хорошо жилось. Намного свободнее, да! А как выкосило большинство населения, так и кончились наши с Ромкой-джи беспечные

походы по окрестностям. В Городе, считай, одни старики, да молодняк, кому до дозоров ещё расти и расти.

Как горячка началась, в Городе ужас что творился! Куда ни сунься – люди стонут. Самые крепкие в три дня сгорали. Егор рядом с мамой Таней неотлучно был. Первый день она, вроде бы, нормально держалась, а когда прибежал какой-то карапуз с известием, что врач Никита не придёт – тоже заболел, то всё, как жутком сне полетело. Так и ушла мама Таня в небесные кущи за неполные двое суток. И всё-то ей чудилось, что отец в дозор собирается, волновалась, не забыл ли чего. Последние часы отец её на руках держал, когда она вдруг мёрзнуть стала. Вынес её наверх, а там самое дневное пекло. Но она только улыбнулась, поняв, что на руках у него. «Плечо твоё не болит больше?» – отца спросила. Отец сказал, что нет, не болит, любимая моя. Она глаза закрыла и затихла.

И понёс её отец в Храм. И Егорка рядом, за комбинезон отца держится. Отец медленно шёл, принаравливаясь к Егоркиным шагам. «Вот так, – говорит, – Егорка! И дед твой, и мама, оба в один год ушли. Как встретил я их вдвоём, так они вдвоём и покинули меня. Первыми к Господу-Аллаху на небеса ушли». А Егор идёт рядом и сказать ничего не может. Даже зареветь уже не получается.

В Храме отец и Егор об Иисусе-любви говорили, сидели рядышком и на милое лицо смотрели. Не страшно было. Нет, не страшно нисколько! Не изменилась мама Таня, только лицо побледнело и осунулось. Люди подходили, плакали. Мама-Галя пришла, отцу тихо сказала, что могила готова. Отец глаза на неё поднял и говорит, мол, скажи, что ты её любила. Любила, ведь, правда? «Правда, – отвечает Мама-Галя, сухими глазами блестя. – Подругами мы с ней были. Во многом Таня меня лучше и честнее была, вот и призвал её к себе Вседержитель первой... и место ей рядом с Иисусом-любовь определил. И ты знаешь об этом. Знаешь – почему. Так, только так. И не иначе».

Жуткие времена были, чего уж говорить! Много на кладбище свежих могил появилось. Это тех, конечно, кто не пожелал когда-то в пепел обратиться, сгорев после смерти.

Краем глаза Егор уловил какое-то движение. Поздно! *Поздно!* Задумался, дурак, не смог уследить!

Егор плюхнулся на слежавшийся песок, судорожно дёргая левой рукой предохранитель калаша. В ушах застучала кровь. Проклятый предохранитель не поддавался! Скосив глаза, Егор увидел, что дёргает за переключатель системы целенаведения. Шлем с щитком-дисплеем ещё при отце отказал и небольшая плоская коробочка СЦН мёртвым грузом липла к калашу... но энергии она не потребляла, не весила практически ничего, и ни отец, ни Егор так и не удосужились снять её с автомата.

Эх, дурень я, *дурень!*

Егор судорожно сдвинул-таки рычажок и замер. Неужели вляпался? И как это он умудрился? В первый раз с Егором такое случилось, в первый раз!

Из-за обломка стены, торчащей из песка метра на три, выдвинулся человек в таком же, как у Егора комбинезоне-песчанке. Ствол калаша твёрдо смотрел Егору в лицо. Человек мотнул головой в потёртом армейском шлеме, – экая вмятина на правом виске! – и отчётливо произнёс короткую фразу – явно вопрос – на тарабарском языке.

«Ну, шайтан, недаром мне дядько Саша звонил... говорил, что засёк двух человек с севера. Там больше всего тайных видеокамер уцелело... говорил, что старосте, мол, не волнуйся, я уже всё сообщил...»

Дядько Саша, – мужик лет тридцати, – жил в Городе с позапрошлого года, но староста по-прежнему относился к нему с плохо скрываемым недоверием – всё-таки мужик был из

староверов. В лоно Господа-Аллаха его мулла-батюшка привёл... народу в Городе раз-два и обчёлся, каждые рабочие руки на счету. Дядько Саша от армии ушёл, поскольку светило ему гоу-гоу на северо-восток с тамошними хунхузами за Эко-терем-бург воевать. Вот и дёрнул он напрямик из города Полевского на юг, ближе к пустыне. Оно конечно, как говорит присказка: «Москва и с Китая дань берет!» – за Сургут, за нефть. Да только дикий там народ, хунхузы, одно слово. Им и Пекин-то, считай, не указ, сами промышляют, бандиты...

А в Полевском мэр-бай крут! Ему и на восток и на север двигать хочется, земли прибирать. Ему сами хунхузы-лошадники из диких степей северных, тянущихся аж до леса у самого Ивделя, – дань платят! У него в армии не отъешься – сплошь походы, да вылазки. Вот и сделал дядько Саша вместо северо-востока гоу-гоу на юг, в пустыню. И у нас под крылом Веры-Истины прижился.

Человек нетерпеливо повторил вопрос. Лица его не было видно за блестящим щитком шлема, но, судя по тому, что автомат он держал у бедра, Егор понял, что уж его-то СЦН в полном порядке и мужик чётко видит на экране щитка красную точку где-нибудь на переносице Егора... туда-то он пулю и всадит, только на курок нажми. «В пустыне в плен не берут!» – вспомнились слова отца.

– Не понимаю я, – отчаянно сказал он и оглянулся.

Поднять руку и активировать ларинги на режим переводчика было страшно. Дёрнешь рукой – тут тебе и прилетит гостинец...

Никого вокруг не было. Однако кто его знает, сколько ещё солдат прячется за стеной? И чего им надо? Дезертиры, что ли? Так, вроде, вокруг грабить толком нечего...

– О, по-русски говоришь? – обрадовался человек. – Старовер? Лунатик... то есть, мусульманин? Или христианин-крестоносец?

– У нас Вера-Истина, – мрачно сказал Егор; ствол всё ещё, как припаянный смотрел ему в лицо. – Мы во единого Господа-Аллаха веруем. А вы сами кто?

– Автомат за спину закинь! Руки покажи! Глушилки есть?

– Нет.

– Ну ладно, – весело сказал человек и щиток его шлема с жужжанием открыл мокрое от пота лицо. – Мы тоже пребываем в лоне святой Веры-Истины, да славится Господь-Аллах и все присные его! Мы тут кругалю дали... не то, чтобы заблудились, просто нам нужно здесь где-нибудь перекантоваться денька три-четыре.

Из-за стены выдвинулся второй человек. Тот, видно, уже снял шлем. Мокрая жидкая шевелюра прилипла к розовому черепу. Человек был белобрыс, краснолиц и мрачен.

– Чего ты с ним возишься, Зия? – недовольно сказал он. – Напугал ребёнка до полу-смерти.

– Не испугался он, – возразил Зия, стаскивая шлем и блестя круглой лысиной. – Он сам кого хошь напугает. Вон, смотри, как вызверился... орёл! Того и гляди, того... пальнёт с перепугу. Как там это... в старой армейской песенке поётся?

И весёлый Зия вдруг, ни с того, ни с сего, запел высоким жалобным голосом. Ну, чисто файл с песнями на компе заиграл:

– И он на гашиетку давил и давил,
Уж поверьте!
В аду хохотал, ликовал Азраил —
Ангел Сме-е-ерти!

...да не будет он назван! Или всё-таки ты испугался? – засмеялся Зия.

– Да не испугался я! – возмутился Егор. – Это вы сами меня испугались... вначале.

Страх действительно прошёл. Было любопытно и немного тревожно. До чего же странные люди нынче по пескам ходят! На шатуна не похож. Тот бы давно уже Егоров труп обшаривал, да разделял.

– Ну, может, и испугались, – спокойно сказал белобрысый. – Мало ли кто тут шныряет? Места, прямо скажем, дикие. А ты каслинский?

– Чего?

– Отсюда, говорю? Из Каслей?

Чудно он это название выговаривал... с ударением на первый слог! Ну, сразу видно, изда-лека пришли, даже говорить правильно не могут.

– Нет, я из Города.

– А название у Города есть или так... в беззаконии пребываете?

– Город и всё... что его называть... вон в той стороне, если Иртяш-озеро по левой стороне обойти. Пол дня ходьбы, если всё спокойно.

– А напрямую? – спросил Зия.

– Напрямую через Иртяш можно и в грязи сгинуть, – сказал Егор. – Корка подломится – так и ухнете в трясину.

– Видимо, ваш Город аккурат на месте бывшего Озёрска... московская карта, чёрт, говно! Мэр-бай у вас есть? А-а... староста... Это хорошо, что староста. С бородой, поди, до пояса, а? Ну-ну, не напрягайся ты так! Я шучу. Шутник я такой, понимаешь? «Юмора шутка – пере-дышки минутка», – как армейские говорят. Слушай, Савва, хватит нам парня пытаться, дунем палатку, – ну его всё на хрен, отдохнём часок-другой?

– А можно и палатку дуть! Почему бы и нет? – спокойно ответил белобрысый здоровяк.

– Вот нам абориген компанию-то и составит, – весело сказал Зия. – Там мы его высушим, выпотрошим... и всё-то он нам с тобой, Савва, расскажет! Что было, что будет, чем сердце упокоится, с какой стороны шайтан-беда нагрянет, а с какой снизойдёт на нас сила небесная и благодать неимоверная. Глядишь, и года не пройдёт, как подружимся мы с хмурым отроком не хуже, чем Манас-командир и его Небесная Дева!

Лысый сноровисто сдернул рюкзак, отстегнул с его боковины нелепый с виду свёрток-курдюк защитного цвета, оглянулся, зашёл в тень стены, бросил курдюк на песок и небрежно ткнул носом ботинка. Курдюк зашевелился, захрюкал и стал дуться. Нет, серьёзно! Тужится, вздыхает и, кажется, даже попукивает от усердия!

Егор, забыв всё на свете, молча таращил глаза. Вот уж диво дивное! Белобрысый здоровяк – и чудно же его звали – Савва – строго сказал ему:

– Рот закрой, карачи насерет!

Егор покраснел. Бурдюк тем временем распухло со страшной силой – явно вырисовывалась довольно-таки объёмистая палатка.

– Сейчас прекратится это надувательство, батыр Егорка, и мы все вместе спокойно отдохнём, а то мы тут изрядно намыкались, – крикнул Зия, устанавливавший на верхушке стены крошку-камеру.

– Готово... сторож на месте! – сказал он и ловко спрыгнул. – Мы всех видим, нас не видят... не заметят, не обидят! – подмигнул Егору и непонятно сказал. – Комарики наши регенерацию пройдут, умаялись, сердешные! А нам всем пока и нескольких камер хватит.

Смешной всё-таки мужик!

Ткань окончательно надувшейся палатки вдруг уплотнилась, зарябила разноцветьем, – аж смотреть больно, – и вдруг стала прозрачной. Несколько смутных засаленных пятен слегка колыхались на невидимой ткани.

– Полежай, отрок... кстати, а звать тебя как? Как-нибудь замысловато? Типа Демон Пустыни?

– Егор меня звать, – буркнул отрок и опять открыл рот.

Савва, не дожидаясь приглашения, нырнул в клапан палатки и исчез. Палатка-невидимка... надо же! Егор о таких только слышал. Эх, мне бы такую, в дозор, а?!

– Полежай-полежай, – сказал Зия и втокнул Егора внутрь, где Савва уже тыкал пальцем в пятнышки клавиатуры на ткани стены.

– Идентификация, – пискнула стена.

А затем, совсем как в компьютере старосты Володи:

– О`кей.

Проявился экран, распался на несколько изображений. Похоже, что камера на развалинах была не одна. Егор видел совсем близко обрыв Иртыша, заросший кустарником ген-саксаула и ровную плоскость плесневелой корки, с яркими пятнами пушистых ёжиков короткого тростника. Из зелёных порослей торчали нескладные сухие стебли прошлогоднего камыша. В центре огромного ровного пространства кое-где поблескивала вода, выступившая на поверхность.

– Музыка хочу, – простонал Зия, расшнуровывая ботинки, – хочу сладостных напевов!

– Отстань со своим дутаром, – не оборачиваясь пробурчал Савва и вызвал что-то незнакомое, но красивое и чуть тревожное. – Моцартом тебя буду глушить.

– Савва, ты консервативен!..

– Я должен старосте позвонить, – сказал Егор. Интонации, против воли получились какими-то просительными, чуть ли не со слезой. – Можно?

– Валяй, – ответил Савва. – Какой там у вас канал?

– SQWD/4793.

– Я и сам знаю, что эс-ку-вэ-дэ... Подканалы есть? По какому протоколу?

– Н-нет... не знаю.

– Всё с тобой ясно! – воскликнул Зия, снимая второй ботинок. – Савва, друг мой, да продлит твои дни в сладости всемилостивейший Господь-Аллах! Разблокируй ты уже, наконец, весь канал целиком и пусть мальчик успокоит родных и близких!

Савва проворчал что-то непонятное, экран согласно пискнул. Музыка стала тише. У верхнего среза экрана появилась полоска с бегущей строкой. Ниже неярко засветился таймер.

– Звони... лишенец. Как закончишь, блокировка сама обратно активируется.

Егор торопливо переключил ларинги на режим телефона...

Староста, само собой, не обрадовался. Мало того, что Егор вытащил его прямиком из сортира, так ещё и выдал такую новость, от которой вечный запор старосты, наверное, обратился в полную свою противоположность. Ну, хунхузы по границам пройдут, ну, шатуны по окраине затаятся – привычные беды! – но два батыра прямиком из дали дальней... это уже чересчур. Егор, зачем-то понизив голос, торопливо рассказал что и как. Говорить было неловко – за спиной возились Савва и Зия, поэтому, против воли, рассказ получился скомканным и каким-то по-детски испуганным.

Нет, конечно, можно было и предположить, что гости из деликатности не суют свои носы в разговоры, но...

Чёрт их знает, какой у них компьютер? Похоже, что, – ах, шайтан! – всё перехватывается, пишется, архивируется, анализируется... да и кто бы на их месте поверил дозорному на слово, а?

Староста Володя, глядя куда-то поверх Егоровой головы, пробормотал невыразительной скороговоркой дежурные приветствия, вот уж непонятно – кому. Гостей-то он не видел! Навер-

ное, думал, что гости отслеживают связь по параллельным мониторам... а может, рассчитывал, что их разговор потом по словечку, по косточке разберут. И какие надо – выводы сделают.

И понять потаённый смысл речи старосты было несложно – крутись, Егор-батыр, крутись! Небось, не маленький, сам понимаешь и чувствуешь, что к чему. Слушай, примечай, анализируй... и если поймёшь, что дело неладное – убей. Если, конечно, сможешь. Понятно?

А что здесь понимать? Сила солону ломит, вот и всё понимание. Хоть и выглядят эти двое спокойными и разумными, – не какая-нибудь там шатун-банда, – а Егор знал и доверял своей бойцовой интуиции, мол, уж чего-чего, но шатун-тварей он раскусил бы! – но всё равно, не наши они люди, ох, не наши! И деваться некуда, хоть ты как прикидывай, размышляй и анализируй.

Словом, придётся идти с Зией и Саввой в Город.

* * *

– А ты бы рассказал нам чего-нибудь, Егорушка, – вдруг сказал Зия. – Ну, к примеру, что за Город у вас, каковы его обычаи, обряды? Какие песни поют, чем живут, чем дышат? А то мы здесь народ новый, как бы, ненароком, не обидели кого. Сам знаешь, как это бывает, ляпнешь сдуру, а потом получишь по физиономии, да?

– А чего рассказывать, – пробормотал застигнутый врасплох Егор, с трудом оторвавшись от экрана, на котором Лунная Дева как раз признавалась в любви своему таинственному попутчику Джамилю-в-маске. – Живём, ген-галеты жуём. Господу-аллаху молимся, законы блюдём, шатун-банд опасаемся. Чего тут рассказывать?

– Ну, про себя хотя бы расскажи, Егор. Почему шлем не носишь? С одним армейским платком на голове – это только мать расстраивать. Родители-то живы?

– Нет, – сказал Егор и внезапно представил себе, как рядом с ним сидит отец и чистит калаш... и рассказывает своим мягким голосом, как Егоров дед в Казань ездил. Да смешно так! Маленьким, помнится, вся ребятня вокруг него собиралась, послушать. А какие он луки мастерил! Стрелы ровные, прямые. Игрушка, конечно, но однажды шестилетке Егору чуть глаз такой стрелой не высадили, в охоту на песчаников-людоедов играли. Ох, мама и ругалась! А отец только виновато улыбался, а потом обнял одной рукой маму, а другой подхватил Егорку и закружил-закружил! «Прости, мама Таня, – говорит, – но уж в таком мире мы живём, что рисковать каждый день приходится!»

У Егора вдруг защипало глаза.

– Умерли они, – севшим голосом сказал он. И уже совсем шёпотом, скороговоркой, – Мама Таня от горячки умерла, дед Николай чуть раньше, чем она, а отец полтора года назад в дозоре сгинул...

– Извини, Егор, – серьёзно сказал Зия. – Извини, дорогой, не знали мы. «Сгинул»... это значит, что ещё есть надежда?

Егор только помотал головой. Говорить он побоялся. Так и разревётся можно...

А отец уже не вернётся, нет! Это уж так водится меж людей – говорить, мол, «в дозоре сгинул». На самом деле шайтан-пустыня дозорных никогда назад не отдаёт, чего уж там лишний раз душу травить и надеяться невесть на что. Ушёл отец в дозор к горам, что во-о-он, на горизонте, желтеют, дрожат в мареве горячего воздуха. Там где-то и сгинул. На связь вышел, велел Егорке не забыть у овец подежурить и... *сгинул*.

Весь Город Егоркиного отца помнит. Те, кто постарше, нет-нет, да и скажут чего-нибудь, вроде: «В отца пошёл, Егорка-то наш, в отца! Такой же батыр, чего уж там греха таить, шайтана тешить. А глаза материны у него, это уж точно. У Татьяны взгляд тоже суровый был, строгий!».

Егор отца долго дождался. Несколько раз просил старосту в те же места его отправить. Какая разница, где дозорить? Но староста Володя твёрдо ему сказал, мол, не перечь, Егор, ничего не выйдет. С той стороны несколько камер слежения именно отец твой и поставил, – да пребудет душа его чистая, в сонме праведников! – последнюю как раз и должен был пристроить аккуратно на вершине одной из Вишнёвых гор, как их Старые Люди звали. Мол, отцова это идея была, хотя он, староста Володя, лишним это считал. Наверное, и правильно считал. Через горы мало кому тащиться захочется, хоть они не так уж и высоки. Все шатун-банды южнее идут, не говоря уже о тех, кто со стороны Челябины и Эко-терем-бурга прутся. Вода, всё дело в ней. Не захочешь воду с собой на горбу по косогорам и обрывам тащить – обходи горы стороной.

А ведь, всё-таки получается, неправ был староста! Гора Сугомак неподалёку от Вишнёвых гор стоит, а именно оттуда Зия с Саввой пришли, именно оттуда! И она, кстати, самая высокая здесь. Вот отцова камера, кабы установил он её тогда, и засекла бы нынче пришельцев. Как бы выпросить у них, какого растакого шайтана их через горы понесло? Нет, действительно, какого?

А вот насчёт платка-косынки это они верно заметили. Егор не любил шлем. Защита, конечно хорошая, но если ни система целенаведения не работает, ни шлем-ларинги не нужны – на кой ляд его таскать? Поддув по макушке – неплохо, конечно, но Егор и так обходится. Ларинги у него с трёх лет вживлённые – спасибо отцу! – а чужой шлем надевать, так это надо его с калашом сопрягать – не родной всё же! А с чужим шлемом калаш через Сеть только по общему протоколу связи работает. И дед, и отец говорили, что это много хуже... да и помехи в бою навести могут.

А уж в ближнем бою СЦН многих подвёл. Как только человек чутьё утрачивает, на хитрые приборы полагается, то тут ему и конец. Всё равно, что без компа считать не уметь, или читать не хотеть научиться, под предлогом, что любой файл тебе автоматом озвучивается, если захочешь. Отец в своё время даже несколько языков знал, не полагаясь только на режим перевода. «Ты смекай, Егорка! – говорил он, – Вот, например, говоришь ты человеку простенькое слово «ага!». Так его же можно с десятком разных интонаций произнести! И не всегда режим переводчика их уловит и смысл не переверёт. Вот, к примеру, прихожу я домой и спрашиваю, кто это опять отцовский шлем надевал, в дозорного играл? А ты мне – «ну, не знаю». И может эта фраза означать, что одевала шлем шустрая Маринка-две-косички, да только тебе её сдавать неохота. А может – что ты сам его на своей голове примерял, да ещё о камень башкой бестолковой бился, прочность шлема проверяя. Ну, а сказать об этом почему-то стесняешься. Понял? Вот то-то, Егорка! Учись!»

– А давай-ка, Егор-батыр, мы тут один фильм-файл, на ночь глядя, посмотрим, – вдруг предложил неугомонный Зия, прервав Егоровы думы. – Скоротаем житышко наше скучное, дозорное. И мы, старики, душу потешим, и ты, молодой и красивый, ума-разума наберёшься! Как ты на это смотришь, батыр?

– Ну... не знаю... – забормотал застигнутый врасплох Егор и вдруг загорелся. Староста – тот более всего на нравоучительное налегает, а чего поинтереснее смотреть не даёт. Говорят, у него в компе много чего такого запрятано, что только смотри и попискивай от восторга. И по истории Джихада, и про космос, и про Москву! Взрослые, говорят, иногда смотрят, но Егору-то ещё по возрасту не положено! Обидно, конечно... в дозор, значит, как все взрослые ходи, а файлы художественные смотреть нельзя! Тоже мне, нашли малявку-головастика... пичкают детскими фильм-файлами.

– Давай-давай, – прогудел Савва. – Вон, у батыра нашего глаза так и загорелись. Ты ему по истории чего-нибудь поставь. Вон, «Сэйвинг» хотя бы, да? Там всё-таки Оман Васильев деда Серёжу играет, не верблюд чихал, – классика! Ты не видел ли, Егор?

– Нет, не видел, – сказал Егор, активировав украдкой нарукавное зеркало и быстренько глянув на себя. Неужели по лицу его видно, что у него «глаза загорелись»? Староста Володя, когда распекает его, так вечно в сердцах скажет: «Упрям ты, Егор, весь в отца! Если ты себе чего в башку вбил – хоть режь тебя, хоть ешь тебя – всё одно – морда каменная! Ничего по ней не прочитаешь, ей-богу, прямо, как статуе в лицо смотришь!» Егор даже гордился этим. А чего бы не гордиться-то? Воин, всё-таки, настоящий воин... хоть и не пускают в Храм, когда взрослые файлы смотрят.

– Ну, ребята, смотрим? – спросил Зия.

– Давай, – прогудел Савва, устраиваясь поудобнее. – Егор, ты готов? Да не дёргайся ты, комп сам на твои ларинги настроится. Жаль, что эффект присутствия не профессиональный будет, но всё же...

– Ну, поехали, – сказал Зия. – Сколько ни смотрю эту историю, всё нравится, хоть и печальная она.

И они стали смотреть фильм-файл «Сэйвинг. Последний рубеж»... и совсем зря говорил Савва, что эффект присутствия, видите ли, не тот! Всё нормально и так захватывающе, что Егор обо всём думать забыл. И только видел, как предки их Россию защищали. Вот бы нам тогда родиться, во времена легендарные!

Нынешние-то времена скучные, да!..

Ох, до чего же *здорово*! Егор просто оторваться от экрана не мог, и всё переживал за главного героя! И не заметил, как стемнело. Ну, будет что друзьям своим рассказать! И непременно надо Зию с Саввой упросить, чтобы и им тоже этот фильм-файл показали...

Когда укладывались спать, Егор заикнулся было, что подежурить он и сам сможет, но ему велели «дряхнуть без задних ног», поскольку он теперь – гость. И гость не у кого-то там, а у *московских* учёных, де, пришедших сюда с «научно-познавательными целями», как сказал Зия.

Ого! Это тебе не из соседнего города Куяша верблюда купить приехали! Московские учёные! Егор набрался смелости и спросил, чего, мол, московским учёным, которые у самого президента-эмира в славе и почестях живут, на окраину, в самую глушь, принесло?

– Всё просто, Егор! Изучим флору и фауну. Ракушек насобираем, гербарии засушим, ген-тушканчика колечком пометим, песчанику зубы проверим – сам понимаешь, в этом вся наука биология! – подмигнул Зия. – Здешние места – это же рай для учёных! Жизнь-то здесь просто кишмя кишит!

Ага, так Егор и разбежался ему поверить! Кишмя кишат тут только песчаные блохи...

Егор думал, что не заснёт, но палатка так уютно дышала прохладой, да и дутар Зии бренчал тихо и нежно... так и ухнул Егор в сон. Безмятежно и просто – даже удивительно!

* * *

Утром собрались быстро. Палатка ужалась быстрее, чем дулась, Егор даже толком не успел рассмотреть. Камеры наблюдения Зия почему-то оставил на своих местах. Впрочем, что ему эти камеры? Игрушки! Тут, вон, «комары» в разные стороны разлетелись откуда-то из браслета на руке Саввы. А до чего же быстро летают, и не уследишь! Так вот, оказывается, о каких «*комариках*» упоминали гости! Те, которые отдыхали, то есть, на регенерации были. Отдыхали, понимаешь ли, как и путники ночью. А так же лечились, плодились и размножались, если только Егор всё правильно понял.

Егор только-только набрался наглости спросить, всё ли он правильно рассудил и правильно ли разобрался в деятельности чудесных «комаров», как вдруг – хлоп! – повис прозрачный экран в воздухе, – полукругом перед Савиным лицом, – а на экране мельтешит много-

много экранчиков поменьше. Всё, вроде бы, привычно – комп есть комп. Но, ведь, экран-то из ничего *в воздухе* появился!

А управление? Савва только рукой двинет, как маленький экран сразу вырастает, занимает весь большой экранище, и теперь на нём чётко видно, чего там «комары» в данный момент наблюдают. Чем больше комаров в одну сторону смотрит, тем более чётким выглядит изображение. И далеко же они забираются, «комары» эти!

Так вот как они Егора-то засекли вчера! Да уж, страшная штука! Зря он вчера себя обругал за невнимательность. Это не он бдительность потерял, а технологии над ним верх взяли.

Савва чего-то там побормотал, а потом движением руки повернул экран к Егору и спросил:

– Где пойдём? Здесь?

Смотреть на экран было непросто. Места знакомые, но Егор же летать не умеет, поэтому ракурс непривычный. Впрочем, он довольно быстро разобрался, что к чему. Савва для его удобства на экране объёмную карту местности показал. Забавно видеть, как по этой карте все подробности ма-а-аленькие... и даже ген-тушканчики прыгают, мелкие, как блохи. Смешно так!

– Вот здесь проще, – сказал Егор, – по косогору, по самому верху.

– А почему не по самой кромке, по корке ила, а не обрывами?

– По Иртяш-озеру дозорные не ходят без крайней нужды, – рассудительно заметил Егор. – Неудобное место. Поверхность ровная, как стол, до самого Города, а это не меньше семи километров С крутых берегов и с косогоров приозёрных тебя, как на ладони видно, а тебе от кромки и отступить некуда, кроме, как в болото, в самую жижу. В обход все двадцать пять, тридцать будет, но зато не подстрелит никто.

– Логично! – весело согласился Зия. – Но, однако, Егорушка, у дозорных, как я понимаю, «комаров», как правило, нет?

– Нет... – не удержался от вздоха Егор.

– Именно! Нам удобнее по озеру, по корке шлёпать, а «комары» за нас бдить будут. И если супостат какой объявится, они нам всё покажут. И мы вполне успеем подняться повыше и встретить врага стеной огня и стали!

– Ну, понесло его, – проворчал Савва. – Какая у нас с тобой «стена огня и стали»? Два калаша с подствольниками, да пистолетик твой дурацкий – вот и вся «стена огня».

Егор удивился. Надо же, до чего беспечный народ! Вот так, прямо первому встречному и выложили все свои данные о вооружении дозора... э-э-э... в смысле – отряда! Ах, как по-детски... не по дозорному как! Впрочем, ему-то, Егору, что? Его дело помалкивать и на ус мотать, что у них, как и сколько. А то, мало ли что, может, мужики эти столь лукавые, что у них «ген-кумыс в руке, да нож в сапоге»! Ох, упаси Господь-Аллах, упаси. Это уж так, мысли мрачные ни с того, ни с сего. Ну, по всему же видно – нормальные люди!

– Так берегом никак не короче будет! – вслух сказал он. – Те же километры и наматывай!

– Зато нет этого самого... вверх-вниз, вверх-вниз по холмам... понял? Старика Зию беречь надо, это тебе даже угрюмый и равнодушный к чужим страданиям Савва скажет! – весело ответил Зия, поправляя лямки рюкзака. – Пойдём бережком бывшего озера Иртяш, вдохнём полной грудью запах ила и плесени, полюбуемся на очертания Южно-Уральских гор и споём песню.

– Какую песню? – не понял Егор, шагая рядом с Саввой и заморожено глядя на экран.

– Треплется он, не обращая внимания, – буркнул Савва, умудряясь и в карте какие-то пометки делать, то уменьшая, то увеличивая масштаб, и при этом не споткнуться.

Так-то, конечно, по берегу удобнее идти, ежели постоянно в экран таращиться! Особенно по корке ила, что у самого берега твёрже всего и песком занесена. Чисто асфальт у Древних – твёрдая и ровная. Главное, о кочки торчащей зелёной травянки не спотыкаться.

– Песню от том, – гнул своё Зия, – как доблестный ниндзя влюбился в кроткую Нино. «Он так любил свою Нино! Но предал казни всё равно!»

Дунул ветерок и в обрыва, вздымавшегося слева, на голову посыпался песок. Егор натянул на лицо маску. Песчаные гребни, как узкие лезвия спускались с пологих мест берега и тянулись вглубь ровной поверхности озера, постепенно сходя на нет вдалеке, намокая и погружаясь в мокрый ил.

Так и шли. Чудной народ, точно – чудной!

Вообще-то, говорить, что «шли» – это уж самого себя обманывать. Ползли! Еле-еле, причём. Песчаный жук и то быстрее ползёт, честное слово! Всё-то пришельцам любопытно, всё знать надо. Около каждой кочки потоптаться, а до чего идти своими ногами лень – «комаров» послать и подробно всё разглядеть и разнюхать. Карачи мимо прошёл – всё! На полчаса остановки. Куда идёт? Зачем и откуда?

Да какая разница? Идёт себе и идёт. Не по направлению к ним и не в Город! Пусть хоть в адское пекло идёт, а то и напрямую к демонам пешком наострился – нам-то что? При каждой остановке Егор переминался с ноги на ногу и вздыхал, но торопить Савву и Зию не решался.

А может, если им что-нибудь об этих местах рассказывать, они быстрее пойдут? Егор подумал-подумал и рассказал, как месяца три-четыре назад, неподалёку отсюда, Егора чуть не загрызли пустынные собаки. На людей-то они редко нападают, но тут чего-то расхрабрились.

Из песка вышка торчит железная, – отец говорил, что по таким вышкам провода когда-то невесть зачем развешивали, – так Егор на неё и полез. Лезет и горько думает о том, что если уж псы не сожрут, так кто-либо из шатунов издали приметит... и получится тебе полный карачун – и так, и так, в любом случае смерть примешь.

– Песчанники, да? – заинтересовано спросил Зия. – У них сколько пальцев на лапах было, не заметил?

– Как обычно, пять! – удивился Егор. – А что, надо, чтобы шесть было?

– Видишь ли, Егор, поговаривают, что ближе к старой Москве ген-песчанники появились с тремя пальцами. И они, мол, умнее, чем обычные.

Егор вспомнил, как сидел на верхушке железной неустойчивой конструкции и смотрел, как песчаные собаки медленно ползут вверх, аккуратно цепляясь за ржавые перекладины жёсткими серыми пальцами.

Когда Егор поднимал калаш, песчанники рычали и останавливались. А потом снова ... потихоньку, по сантиметрику – вверх... а на дворе ночь вот-вот настанет и включать фонарик или ночное зрение – значит выдать себя на пару километров вокруг. Вот он, как стервятник на башне, отовсюду разглядывайте! Говорят, что шатун-банды есть, которые с песчанниками, то есть песчаными собаками, в кровавой дружбе состоят. Чушь, конечно, несусветная, но всё-таки...

Так вот походишь-походишь в дозор и будешь всему верить, над чем иные прочие только хихикнут. Мол, бабы сплетни, старухина болтовня и детские кошмары. Но мулла-батюшка им, ребятне, рассказывал, как Старые Люди ген-собак себе в помощь выводили. Пальцы им вырастили, дрессировали. А как Джихад начался, все эти эксперименты и закончились. Разбежались собаки и выжили только те из них, кто по краям пустыни жить приспособился. Умные, шайтаны, ну, как верблюды, не иначе. Стаями небольшими ходят, могут и овец резать и ребёночком не побрезгуют, а то и раненого или больного путника съедят. Ловкие – по развалинам карабкаются, только шум стоит! А Ромка-джи сказал как-то, что однажды слышал, как песчанники своими пальцами узлы у защитной сетки развязывали, чтобы ягнят воровать. Но дед сказал, что это Ромка-джи загнул лишку. Не настолько уж они и сообразительны, песчанники-то. Но...мало ли чего? А вдруг?

Вот и получается, что когда на вышке сидишь, все умные и скептические разговоры сами собой из головы вылетают – страшно ведь! Но пусть даже это и не правда. Всё равно, чего песчаники всё-таки сообразили, так это то, что Егор им не раненый верблюд и не овца. Ни спать, ни падать не собирается. Да и калаш им знаком – это уж, наверное, они с детства его знают. Пугали-пугали песчаники Егора, да так и убрались. Слезли и ушли. А Егор до утра на перекладине, чисто орёл пустынный, мостился. Неудобно – жуть! И спать охота, и слезать нельзя. А ну, как из-за бархана выскочат? Да ещё и всей стаей? Кто знает, что у них на уме?

Но Господь-Аллах милостив. Утром и весь следующий день не было их. Не любят они, всё-таки, когда люди рядом. Но, помнится, в детстве Егор слышал, как мать однажды разговор завела, мол, неплохо бы щенка-песчаника раздобыть. Дескать, по Сети она фильм-файл видела, как один человек с песчаником подружился. Выдрессируем, помогать будет. Отец только руками замахал: «С ума сошла, жена-матушка! Ну, подстрелю я самочку и щенка заберу, так за мной вся стая притащится! А овчарни? А верблюжьи загоны? Мало нам дозоров, так ещё и в Городе покоя не будет!»

А вообще, интересно было бы ручного песчаника иметь, как в фильм-файлах про Ивана-батыра, у которого песчаник по кличке Волчара носит железный ошейник, ходит на задних лапах, и разговаривать, и из калаша стрелять умеет...

Опять же, на компе ещё и не то нарисовать можно.

* * *

– Вот, мрачно сказал Савва, – живём в двадцать третьем веке – полюбуемся.

– Го-о-ород... – с непонятной интонацией протянул Зия. – Впрочем, нам-то, что за беда? Может, в этом и есть великий философский смысл? Может, здесь, на самой крайней российской окраине, на руинах бывшего зарождается новый мир?

– Вон он, твой новый мир Озёрска, – сказал Савва, – со старой башни, балбес-шайтан, в нас целится. Слушай, Зия, ты бы опустил щиток, не выёживался, а? И обзор включи. Двое сзади... за ген-саксаулом прячутся.

Егор подумал, что, уж кто-кто, а Ромка-джи с башни сегодня в голову Зие не попадёт – хоть убейся. Стрелок он неплохой, да нынче калаш у него неважный, со сбитой мушкой. Ещё от дяди Ахмата остался – старьё.

– Это мы! – крикнул он. – Староста Володя где? Выходите, всё равно они вас всех, как на тарелочке видят...

Сзади затрещали кусты. Вышло пара мужиков – городская оборона. Смех на палочке, прости меня, Господь-Аллах! Один старее другого... не хватало им ещё Лады-оглы для полного позора... тоже мне – дружина боевая...

О, Гагарин-шайтан, о-о-о!!!

Вон она, тут как тут... за стеной кирпичной прячется!!! Ну, позорище...

Московские точно подумают, что в Городе, считай, одни старики, да ребятишки живут! В принципе, так оно и есть, если самим себе не лукавить. Не оправился Город ещё после эпидемии горячки. А дозорные свои места не покидают... если только уж совсем на город нападение не произойдёт!

Ага, вот и староста Володя. И Ромка-джи с башни торопливо спускается. Надеюсь, он калаш на предохранитель поставил всё-таки? Если нет – вечером отпинаю – заслужил. Подстрелит кого ненароком, – нам только такой беды не хватало. А где же мулла-батюшка с прихожанами? Не захотел прийти, значит. Зато весь Совет тут как тут, в полном составе в тенёчке прохлаждается...

Егор шагал впереди и не оглядывался. Щёки его горели. Знакомый – до последней трещинки в стене Установки, до каждого обломка стены, до каждого кустика ген-саксаула и кара-

гача, – а некоторых из них он сам трудолюбиво высаживал пацанёнком, – до вечно пахнущей верблюжьей фермы и загородок овечьих площадок, прикрытых сверху дырявой пыльной, засиженной вечными мухами маскировочно-защитной сеткой, – родной Город вдруг как-то разом поник и обветшал. Присел в испуге... и развалился... в пыль, песок и колючие кривые растения...

Суета, запахи, мухи, испуганные люди, прячущиеся в тени и вытягивающие шеи им вслед. Извилистые проходы лабиринта, образуемые ген-саксаулом, руинами и карагачами. Удобно обороняться, если придёт враг... это мы все с детства учили.

Но вот, пришли незнакомые, пусть и не грозные на вид люди... и ясно, что не отгородишься от них, не спрячешься.

И идут за ними гуськом люди... десятки людей... и хоть впереди староста – но кажется, что именно за незнакомцами покорно в страхе идут горожане... и храбрый Ромка-джи с ними.

А вот и Мама-Галя их встречает. Мама-Галя с выбитым левым глазом... а выбил ей его своим щупальцем карачи, когда в бою не отдавала она ему своего годовалого ребенка.

Город... родина...

Спасибо тебе, Господь-Аллах, пришли наконец-то. Вот они, колонны над треугольной крышей; лестница, выдирающаяся из песка и пыли, степенно поднимается вверх щербатыми ступенями. Загадочные лица над дверью – с пустыми глазницами и узкими подбородками... одно лицо плачет, а другое жутко смеётся... и непонятная надпись «*Озёр...к...й т...атр им. ... акси... Горько...*»... и маленькие окошки, заложенные мешками с песком во времена незапамятные, неведомые. Быть может, ещё и Старыми Людьми. Потому, как слежались эти мешки так, что между верхней балкой окна и верхним мешком два кулака просунуть можно... видать, от карачи отбивались когда-то.

Вот мы и внутри. Ну, а теперь вниз, вниз, вниз, по широкой лестнице, мимо большой статуи человека-Ленина с отбитой рукой... в спасительную прохладу старых знакомых стен. Ну их, этих гостей! Кто успел – то два съел! Пусть пока староста Володя им втирает... про родной Город, загадочный «т...атр», зловещий Комбинат, который совсем рядом, – и прочие местные достопримечательности, включая Установку-кормилицу, счастье и надежду нашу. Аминь!

Уф... теперь можно отключить комбез, быстро-быстро содрать его с себя в тёмной, облицованной кое-где белым кафелем комнате, вымыть ноги и переодеться в обычную одежду...

Хм... это, наверное, Маринка рукав зашила...

Боролись тут с дядько Сашей, аккуратно перед выходом в дозор, ну и покалечили одежонку – так по шву и затрещала. И чинить самому уже некогда было. Спасибо, Маринка! Хорошо бы, конечно, чтобы комбез домашний так же сам себя латал, как и дозорный... то есть, военный. Да и поддув такой же прохладный во все места не помешал бы!

Да, вот, не дал Господь-Аллах такого счастья, – зашивать, да штопать приходится. Ну, ничего, не маленькие... перебьёмся-перетопчемся, как говорит старый Хаим.

Егор торопливо ополоснул лицо, вымыл ноги. Армейские ботинки, конечно, не те говно-ступы из верблюжьей кожи, что приходится носить в Городе, но и от них устаёшь. Ноги перемены просят. Он сунул комбинезон в шкаф – кто там у нас следующий в дозор? Карим? Эх... опять он калаш не почистит! Ну, да ладно, это всё потом разберёмся... не забыть бы самому почистить оружие!

А теперь – бегом – гоу-гоу – в зал Совета, мимо закрытых дверей, мимо жмущихся к стенам любопытных людей, прямо по длинному коридору. Эй, разойдись!

Вот и надпись «Гардеро...».

Теперь слёту поворачиваем мимо старого Кима:

– Привет, Ким! Всё власть охраняешь? Святое дело! Ого, а это что у тебя? Господь-Аллах, опять штаны расстегнулись?! Да ладно тебе, никто ничего пока не заметил... Извини, потом всё расскажу! После Совета!

Егор осторожно толкнул дверь. Изнутри, естественно, к ней прислонилась необъятной задницей Лада-оглы, а если по настоящему – Лада Макова – все-то уши она Городу прожужжала о том, что сам Великомученик Тагил-мэр-бай, Танк-Веры-Истины, да благословит его Господь-Аллах! – ей приходится самым что ни на есть прямым предком.

Нет, ну не сидится ей, как всем нормальным правоверным... обязательно надо стоять, прислонившись пятой точкой к двери!

– Ой! Извините, Лада-оглы... я вот тут...

– Выкинуть бы тебя, мальчишка, шайтан! – прошипела Лада-оглы. – Сядь вон там, не мешай!

Егор, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в полумраке, прополз на четвереньках в угол, сел и затих. Никто не обратил на него никакого внимания... а могли бы и шугануть. Странно... даже Лада-оглы возмущалась лишь только тем, что он ей под зад дверью с разгону двинул. А что на Совет припёрся без приглашения – слова не сказала...

Странно... но замечательно, правда?

* * *

Егор осторожно пошевелил ногами – затекли. Пол-то каменный, да ещё и расположиться поудобнее не получается. Совет и гости на подушках сидят, им-то что... а тут майся. Ромка-джи пыхтел над ухом и постоянно пытался навалиться ему на спину.

Староста продолжал плаксиво, но с какими-то внезапными визгливыми похвалами, бубнить об Установке. Всю историю Города гнал подряд, старый хрыч: о том, как в великом бою наши отцы и деды отбили здешнюю Установку чуть ли не у самих демонов... да так у неё и укрепились. Как несколько лет искал нужные режимы Борис-оператор, да упокоит его Господь-Аллах на тенистых пажитях! Как получили предки фирман-Москва едва ли не от самого Президента-эмира на владение и установление границ. Как школу Веры-Истины утверждали. Про договоры и клятвы с Комбинатом затянул, – где сплошные атомы и радиация, – Господом-Аллахом проклятое место, – спаси и сохрани нас от тамошних дикарей – пусть в других местах свою смерть ищут. И вообще, мол, Комбинат, – а его ещё сам человек-Ленин строил! – через нашу голову со злокозненным Городом Полевским стакнуться норовит, еретики-гяуры-блять...

Тоска! Нет, ну тоска же смертная!

А Зия с Саввой – ничего. Терпят. Сидят на высоких подушках, слушают, улыбаются, только ген-кумыс иногда прихлёбывают. И даже вопросы норовят вставить... да где уж там! Староста, как пойдёт про политику, так его только мулла-батюшка осадить может. О, Господь-Аллах, теперь про верблюжью чуму девяностых в нашем Городе затянул... подвиги зоотехников... в общем, сплошная самоотверженность предков, каковые не в пример своим ленивым потомкам понимали толк в жертвенности духа...

Это Егор ещё не с самого начала пришёл, не иначе староста прямо со времён Святого Джихада, а то и прямиком с Иисуса-Любви Крестоносца начал!

Егор в сотый раз двинул локтем куда-то наугад, и Ромка-джи зашипел от боли.

– Балбес-шайтан... больно же! – но на спину наваливаться перестал.

Егор, стараясь не кряхтеть, переменил положение.

– Ну-ка, руку убери! – вдруг выпалила Маринка, и сидящие перед ними люди стали оборачиваться.

Ромка-джи запыхтел ещё сильнее. Егор, было, удивился, но тут же сообразил, что Маринкина фраза относится не к нему, а к проклятому Ромке-джи. Хотя белеющие в полумраке круглые лица Аллы-оператора и её мужа дяди Ани явно смотрели именно на него.

– Выгоню! – коротко сказал дядя Аня и отвернулся.

Егору было обидно, хоть разворачивайся и лупи Ромку-джи в ухо прямо тут, в Совете. Однако – выгонят сразу. Одного-то, может, и простили бы, а втроём...

Маринка, молодец, тихонько так, вежливо, как камышовая крыска, заранее просочилась. Зря только Ромку-джи с собой взяла, шайтана дурацкого! Тупой, блин, как верблюжья задница, а туда же! Подумаешь, в Челябинске был... ходжа задрипанный... руки распускает...

Егор с досады закусил губу и стал смотреть на светящийся тусклыми пятнами потолок. О, глянь-ка, ещё несколько тёмных пятен появилось! Во-о-он там раньше пятно было на голову человека похожее, а теперь не пойми чего получилось. Дед говорит, что потолок когда-то просто огнём сиял, а теперь выдыхается, пятнами идёт. Прав был дед. В этой комнате раньше школа была... потому что из всех других так и оставалась самой светлой... ещё и мы сюда первый год бегали... а теперь школу в другом месте держат, где солнце через маленькие окна под потолком светит.

Попутру, бывало, занесёт их песком и мулла-батюшка гонит наверх пару дежурных – отгребать... Раз они с Ромкой-джи, – а ведь здоровые уже были, лет по тринадцать! – добаловались и высадили стекло. Песок на школьный комп посыпался. Мулла-батюшка прочёл молитву о кающихся грешниках, засучил рукава своего комбинезона... и ка-а-ак врезал своим посохом по задницам обоим дежурным... ох и больно же было! Не приведи Господь-Аллах ещё и под его посох попасть – в его руке сила праведная, солдатская... и калаш у него именной, собственный. Ещё от Первосвященника Ивдельского... реликвия!

– Слышь, Егорка, где ты их нашёл, а? – зашептал сзади Ромка-джи. – Там, где капище с крестом?

– Нет там креста, – сухо ответил Егор.

– Так там же крест торчал! Куда мог деться? Карачи стащили?

– Какой крест, дубина! – не выдержал Егор и повернулся. – Это не крест совсем... а так, обломки какие-то. Нечестивое капище в другом месте!

– Тише ты! Смотри, аминь уже начали!

Егор посмотрел на старосту и вдруг понял, что тот замолчал и оmyвает руками лицо. Все в комнате нагнули голову:

– Господь-Аллах, Вера-Истина!

– Аминь, – закончил Зия по праву гостя. – Теперь, как я понимаю, наша очередь?

– У тебя фирман-Москва, ты говоришь – мы слушаем. Москва – сорок добродетелей, Москва всё видит, престол её у врат райских, семь холмов её – семь твердынь Веры-Истины! – забубнил нараспев староста Володя.

Ох, и хитрый же он у нас! Савва всё пишет, всё подряд – это уж точно. «До Москвы далеко, Казань не близко, но слово не воробей, – хоп! – и пошло гулять по свету», – говаривал дед. А староста Володя перед гостями стелется. Ишь ты, даже позволил им на Совет со своим оружием прийти, чего только самым высоким гостям позволяют! Хотя, с другой стороны, пойдй, прикажи им с голыми руками на Совет явиться!

– Я вот что предлагаю, сказал Зия, улыбаясь во весь рот, – Сейчас мы закруглимся и дружно пойдём отдыхать. Полномочия, как вы поняли, у нас самые широкие, в Городе мы дней

пять пробудем и всё сами увидим. Спасибо Совету и старосте – историю вашего рода мы уже знаем, а что не знаем – вы нам и покажете.

– Потом, солдат, поди, в Город приведёте! – дерзко выкрикнула Алла-оператор.

Народ зашумел, задвигался. Ей с мужем можно дерзить – их семья при любой власти пригреется! Установка-то всем нужна. Комбикорм верблюдам, овцам пойло, глюкоза, ген-галеты... всё от неё, Установки-матушки, благослови её Господь-Аллах! Секреты у них семейные, хрен кто ведаёт... так что без них, операторов, никуда!

– Не приведём, если лукавить не будете, – спокойно ответил Савва, а Зия засмеялся. – Мы в Святой Академии Наук – не военная разведка.

– Ага, не разведка они, – нагнувшись к уху взмокшего Егора, горячо дышала Маринка. – А сами с ног до головы во всём новеньком... Мама-Галя говорит, что...

– Тихо! – крикнул староста. – Разгалделись! Совет окончен. Завтра вечером соберёмся – опять гостям слово будет.

Народ стал подниматься, кто-то натужно закашлял и звучно пукнул. Старый Ким уже торчал в дверях, кланяясь. На шее у него болтался тревожно попискивающий ветхий страж-анализатор, среагировавший на оружие гостей. Бережёт его Ким. Один такой прибор, на весь Город один. Давным-давно, во времена незапамятные за прибор трёх верблюдов отдали. И то, говорят, повезло, по дешёвке взяли!

– Егорушка, пойдём, попробуем с ними поговорить? – блестела глазами Маринка. Ромка-джи виновато топтался рядом. – Пойдём, а? Про Москву спросим... там всё-таки моя прабабка жила!

– Не жила, а бывала, – буркнул Егор. – Иногда.

– Тебе-то что, ты с ними почти два дня общался! – тотчас надулась Маринка. – Даже фильм-файлы смотрел. Ну и иди... мы с Ромкой-джи сами... раз ты такой...

– Ладно-ладно, – торопливо сказал Егор.

Не хватало ещё, чтобы его оттёрли в сторону! А кто их сюда привёл, скажите на милость? Оно конечно, компьютер с «комарами» у Саввы тот ещё, сам довёл бы их до Города... но всё-таки!

У колонн уже толпился народ. На лестницу вверх не поднимались – всё ж таки Совет! Но у подножия стояли плотно, старики в первых рядах, – и кто-то из молодых уже сажал на плечи смешливых и любопытных девчонок. Разнокалиберная детвора облепила близлежащие стены. Некий сопливый шкет уже умудрился сверзиться и вопил, как недорезанный. Его с проклятиями выковыривали из колючек.

Было душно. Солнце садилось жёлтым выпуклым диском, пристально уставившись прямо в глаза выходивших людей. Безголовый идол человека-Ленина чёрным пузатым силуэтом торчал над угловатыми верхушками ген-саксаула. Небо пламенело. Неподальку взревел верблюд – говорили, что, мол, приехали нынче аж с самого Куяша... но это было явной брехнёй – не ближний свет!

Впрочем, фирман-Москва не каждый день на голову падает... могли и приехать.

– Кончилась наша прежняя жизнь, – неожиданно спокойно сказал староста.

– Рано или поздно, так и должно было случиться, уважаемый староста Володя, – рассеянно ответил Савва, глядя куда-то поверх толпы.

Зия поднял руки и крикнул:

– Привет, люди, привет!

– Мир тебе, человек добрый, хан-батюшка, – разноголосо загудела толпа. – Мир тебе!

Совет и гости стали чинно спускаться с лестницы.

Вообще, конечно, необычные люди эти Зия с Саввой, не станем врать! Пожалуй, они даже более загадочны, чем шатун-боец, встреченный Егором полгода назад. Помнится, как ни

странно, тогда более всего именно Маринка выпрашивала у Егора подробности его встречи с молчаливым «пустынником по обету». Что уж случилось с человеком, какие грехи он замаливал, подавшись в шатуны, это Егор вряд ли когда узнает... но встречу эту запомнил он навсегда.

По обету ушёл из Челябин в пустыню жилистый Лю Шань, инженер по программ-ирригации. Похоже, сам на себя епитимью наложил... и немаленькую! И что интересно – по кодексу покаяния мог он выбрать себе два пути. Первый – совершенствование в оружии и наём к любому из власть имущих, если он твёрдо уверен, что дело у хозяина праведное и не множит число вдов и сирот.

Лю выбрал себе второй – самую тяжёлую и скорбную долю... шатун-боец без снаряжения. Есть комбинезон, чтобы в пустыне не сдохнуть, есть холодное оружие... и всё! Сам себе врагов выбирай... и здесь уж держись! В борьбе, которую считаешь праведной, – слабых защищай, Веру-Истину в самой её милосердной ипостаси проповедуй, используй любое оружие, но только то, что сам у врага отбил, – дерись, себя не жалея... и молись, что выбор правильный сделал.

Ошибся в выборе, умножил зло – считай, что навеки душу бессмертную загубил. Бесповоротно и без возможности повернуть всё вспять. Оно, конечно, Господь-Аллах в бесконечной мудрости своей последний и справедливейший суд вершит над нами, поскольку нам, смертным, всё в тумане видится. Но Егор, честно говоря, не смог бы честно и откровенно сказать, что всегда отличит чёрное от белого, праведное от неправедного, истинное от ложного. Поэтому и не может он пока представить себя шатуном-бойцом... и вряд ли когда сможет. А ведь все пацаны с детства в этих героев играют и файлы о них смотрят!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.